

ԲԱՔՈՒ. 1990Թ. ՀՈՒՆՎԱՐ
(ՎԿԱՅՈՒՄ Է ՎԵՐԱՊՐՈՂԵ)

Հայոց ցեղասպանության խնդիրներին առնչվող ցեղասպանագիտական ակադեմիական համընտրում տպագրելով 90-ականների սկզբին (մասնավորապես 1990թ. հունվարին) Բաքվում հայ ազգաբնակչության նկատմամբ իրագործված ջարդի մասին ականատեսի, ավելի ստույգ՝ մագապուրծ փրկվածի նամակը (որն, ի սկզբանե, նախատեսված չի եղել տպագրության համար և այդքանով իսկ շարադրված է առավել անկեղծ ու անմիջական ոճով), խմբագրությունը հետապնդում է երկու նպատակ.

Նախ՝ Բաքվում 90-ականների սկզբներին իրագործվող՝ հայերի զանգվածային ջարդերի մասին այդ փաստագրական վկայությունը, դառնալով 20-րդ դարասկզբի՝ Թուրքիայում հայերի ցեղասպանության հեռավոր արձագանքը, պատկերացում է տալիս ընդհանրապես ցեղասպանության իրագործման սկզբնական փուլի ձևերի, մեթոդների մասին.

Երկրորդ. դարավերջի՝ Բաքվում հայ ազգաբնակչության նկատմամբ կիրառված անմարդկային ջարդի մասին այդ վկայությունը, կրկին հիշեցնելով դարեսկզբին՝ Թուրքիայում և հենց Բաքվում եղած ցեղասպանության սարսափը, նաև պատասխան մեղադրական է հարեան հանրապետության՝ այսօրվա բազմազգ մտածածին «մեղադրանքներին»՝ արտաքսված հազարավոր աղյուսեղանցի «փախստականների» անմխիթալ վիճակի մասին:

Նամակը, բնագրին հարազատ մնալու նպատակով, տպագրվում է ռուսերեն, պահպանելով նաև որոշ ոճական անհարթությունները:

Здравствуйте все, все джермуковцы!

Спрашиваешь, Света, как я живу. Я не живу, а существую. От веселой жизнерадостной Нелли осталось вовсе ничего. Ты говоришь, что геноцид армян — это не то. Я была очевидцем, я свидетель. Посади вокруг себя знакомых армян и читай вслух мое письмо.

С 9 на 10 января на работе моя заведующая мне сказала: “Нелли, уходи, уезжай куда-нибудь. Хотя свой паспорт ты давно поменяла на русскую, но у тебя мать и бабушка армяне”. Пришла домой, через час ко мне звонит мой друг из ЦК Азербайджана и тихо, взволнованно говорит: “Уезжай, беги”. Я с Наилей через час на вокзале взяли билет через Тбилиси в Ереван к Лили, чтоб переждать эти события. В вагоне ехали все “чушки”, они после митинга говорили только об армянах, как-бы выстро их уничтожить. Приехали к Лили, они очень обрадовались, но я не была и сутки, как из Баку звонит Рене

и плачет: “Мама, быстро приезжай”. Берет Эсмира и говорит: “Нелли, дела плохи, Рену избили, маму хотели сжечь, бабушку Тамару избили”.

В тот же вечер через Тбилиси я приезжаю в разъяренное Баку. Лиля с Альбертом меня не отпускали: “Подумай чем ты рискуешь”, – но я все равно уехала.

Рано утром захожу к себе домой, двери мои нараспашку, два ковра украдены. Слышу шум, танки, выстрелы и голоса из рупора: “Все армяне, кто остались, сдавайтесь”. Мы с Наилей юркнули в наш подвал. Вечером, сидя в подвале, слышим голоса: “Еще она не пришла?”. А соседка говорит им: “Ведь она русская, а дети мусульмане, ну и что же, что в ней течет армянская кровь, – и продолжает, – раз ее нету, – и показывает на одну женщину, – она совсем нищая, пусть она возьмет все ее вещи”. Вышел Амир и говорит: “Я с Кафана, это будет все мое”. Мое счастье, что никто из соседей не знал, а они все новые, что я нахожусь в подвале.

Итак в подвале мы с Наилей были полторы суток. Замерзшие, холодные, только слышим выстрелы и разговоры соседей о том, что увели или зарезали какую-то армянскую семью. Наилю мою стало рвать, мне пришлось выйти из подвала и пойти в аптеку, что находится около “Шафага”, но, не дойдя, вернулась. Света, милая, представить не можешь сколько трупов было на Фабрициуса. Угловой дом за ночь, [где проживали] четыре армянские семьи, сожгли. Сначала бросали с этажей жителей, а потом сжигали. До аптеки я не дошла, побежала опять домой, схватила Наилю. В это время Амир меня увидел: “Ты здесь?”. Я говорю, что уезжаю, в горле у меня все пересохло, глотать не могу, я ему говорю: “Довези меня до вокзала”. Он согласился, я ничего не взяла, только паспорт и Наилину метрику. Ключи я отдала Фатьме, и Амир мне говорит: “Зачем ты отлаешь ей, ведь они тебя обкрадут, и вообще ты останешься без вещей?”.

Пока я перейду к декабрьским событиям. Выгнанные из Еревана азербайджанцы, они называются в Азербайджане “аразами”, что это за люди, они воры и убийцы. Ведь наш тупик заселен ими. Напротив нашего двора, наверху жила Римма, незамужняя, с мамой, вот ее избили до полусмерти, ее мама тут же скончалась, все вещи растаскали, особенно новые соседи. Около нее жила молодая семья, ее с ребенком тоже избили, тоже обворовали. Точно не могу сказать, но по-моему ребенок убит. По Голубятникову, над юридической консультацией, жили армяне, все их квартиры были за ту ночь обворованы. Если бы ты видела, как несли вещи, диваны, шифоньеры, стулья, столы, кто что воровал. Вот в ту ночь было очень много обворованных, избитых, убитых армян.

Вернусь к своим событиям, вообще, я написала на Амира доверенность на сохранение своих вещей и квартиры, он меня с Наилей даже не довез до вокзала, а оставил прямо около кинотеатра “Шефаг”, так как тут было очень много народа. Мы с Наилей вышли и пошли вниз к вокзалу. Оказывается в 8-ом отделении милиции собрали тех армян, которых могли спасти, избитых, изнасилованных, раненных (я потом узнала, что там было 78 армян), и вот стоят эти проклятые “аразы” с ружьями и требуют их, а вокруг них стоят военные с ружьями и требуют разойтись. В самом кинотеатре “Шафаг” тоже со всего Наримановского района были собраны армяне, тут тоже вокруг стоят военные, а на крыше стоят “чушки” с ружьями и кричат:

“Армян надо резать, убивать, уходите военные, а то будем убивать вас”. Мы с Наилей стоим как вкопанные, рядом тоже было очень много женщин. ...Уже потом, в Москве в армянском представительстве, я увидела беженцев из Баку: армян привозили сюда. Это надо было видеть – трехэтажное здание, на одного пустого места, люди на носилках, большинство – раненные, а сколько избитых, а сколько пожилых женщин, избитых, а главное – изнасилованных, обожженных сигаретами... Здесь же с последними вздохами некоторые из них умирали. Оказывается тех, которых держали в “Шафаге”, избивала сама же милиция. Отбирали последние деньги, кольца, серьги, все золото, что было у них. Ночью их вывезли военными самолетами, по дороге их обстреливали, были и погибшие. Я повидала два дня в армянском постпредстве с моей тяжело больной Наилей.

Итак, мы с Наилей кое-как спустились к вокзалу. То, что мы с Наилей увидели на углу аптеки № 53, было что-то ужасное. Гитлер так не делал, как эти ироды. С третьего этажа сначала свросили девочку лет шести, на балконе стоит мать и сын – лет девяти, сама голая, хрипит, внизу девочка в судорогах умирает, вокруг музыка и стоят “аразы” и смеются... Дальше я не видела ничего. Побежала на вокзал. Поезд в Москву в 6:15, а это происходило в три часа дня. Села около чеченцев. Приходят двое женщин и плачут. Вот они и рассказали продолжение того, что видела я. Оказывается мальчика тоже свросили, мать затащили домой, через полчаса ее тоже свросили, положили три пины на них и сожгли. Где милиция, где военные? Семь дней власть была в их руках. За семь дней было зверски уничтожено около 300 тысяч армян.

В 5 часов объявили, что ровно в 7:00 будет поезд в Москву. Мы с Наилей подошли к перрону, там было очень много народу. Через некоторое время ворвалась на вокзал стая “чушек”, все вооруженные, стали искать армян, рядом стоял человек с костылем, на моих глазах на него напали, окружили и стали избивать, пинать ногами. Он так кричал. Когда все разошлись, он был неподвижен, умер. Молодого парня раздели догола, а потом ножами – по его телу, рядом мать кричала не своим голосом. Военных было мало, а милиция не подходила близко. С нашей стороны подошли военные к одной семье и тихо сказали: “Беженцы в первый вагон, тихо передайте всем”. Вдруг откуда ни возьмись, сорвалась одна стая “аравовцев”, около меня взяли одну семью, потом другую, крик, шум, их таскали за волосы, били ногами. Мужчины полезли в драку, но это было бесполезно. Куда их повезли, никто не знает. Я стою и вся дрожу: было страшно. Подошел наш поезд, я тоже подошла к первому вагону. Армяне стали дрожащими руками цепляться за ручки вагона и быстро подниматься. Проводника не было, значит и они знали, что этот вагон был для беженцев. Правда, стояли пятеро военных и помогали, вдруг шесть или семь “чушек” дубинками стали бить нас и военных, одной дубинкой попали мне по пояснице и по спине, Наили – по нижней части головы, и она стала кричать. Ее отняли у меня, проклятые звери, я вцепилась в одного и кричу, что она азербайджанка, а я русская и показываю документы, а Наилия все кричит, ее ударили еще раз, я уже не вытерпела и замахнулась ударить, сзади меня оттолкнули, я ударилась об вагон. В это время другой говорят: “Отпусти: о ушаг мусульманди, а мать русская”, и нас отпустили. Я опять подошла к вагону и стала поднимать Наилю, она упа-

да ничком прямо в тамбур, я стала кричать, мне закрыли рот и умоляли, чтобы я не кричала, так я могу выдать наш вагон. Наш вагон окружили военные, а азеры стали кидать камнями в наш вагон, разбили три стекла, забросали военных: у военных тоже были раненные. Поезд уехал быстро.

Вот я пишу, а мои руки трясутся, сколько я за эти дни увидела смерти, насилия над армянами.

Итак, наш поезд отъехал и мы глубоко вздохнули, еще не зная, что нас ждет впереди. В Балалджарах слышу, как кто-то спрашивает у проводника мое имя и фамилию. Я испугалась. Вышла, смотрю наш сосед, принес мне три мешка теплых вещей. Только сейчас я заметила, что я в халате и плаще, на ногах легкие туфельки, а Наиля в куртке. Он говорит мне: “Вы же едете в Москву, а там 26⁰ мороза. Это моя жена, что было у тебя в шкафу теплое, положила все сюда”. Потом говорит мне: “Ты всем армянам помогла, всех проводила, а сама все оставила и бежишь, вернись”. Я ему говорю: “Нет обратной дороги в Баку, ты же сам видел, как ко мне пришли человек 40 со синском и твердили, что моя мать армянка”. И вдруг он мне говорит: “Возьми себя в руки. В поселке Киров, где жила твоя дочь Рена, ворвались человек 20, поломали двери, избили Рену, сожгли мать, бабушку избили, но она осталась жива, все в доме оокрали”. Хватаю Наилю, сама ничего не соображаю. Он меня дернул: “Остановись, куда ты, там уже никого нет. Бабушку военные на носилках куда-то увезли”. Я стала плакать и кричать, меня все успокаивали, но я ничего не соображала, пришла в себя тогда, когда Наиля упала. Орудж мне говорит: “Уезжай в Москву, там через МВД все узнаешь и найдешь Рену и бабушку”. Я ни в какую. Тогда все веженцы в вагоне загородили мне дорогу и не пускают сходить. Проводник вызвал меня и говорит: “Куда ты, еще хуже будет, пожалей ребенка”.

Поезд тронулся, через час остановился на пустыре, открываются двери и входят в черных кожаных куртках человек восемь азербайджанцев. “Армяне выходи”. В конце сидела мать с сыном, сыну лет 30, взяли его, мать загородила сына, говорит: “Не трогай его, я прошу, умоляю, я вам дам денег”. Вытаскивает и дает им 10000, но все равно его избили, до перелома ревер. Избили мужчин, толкнули одного ребенка так, что у него поломалась кисть руки. Наиля прижалась ко мне и трясется. Напротив меня сидела русская, а ее муж армянин, бедного ногами топтали, жена кричит, а они ей по голове, у нее с носа кровь пошла. Все кричат, а они злорадствуют. Вдруг один из них говорит: “Мы вас не увьем, у кого есть золото, деньги давайте сюда”. Ко всем подходят и забирают. Подошли ко мне и говорят – давай. Я не в себе кричу ему в лицо: “У меня ничего нет, уже одного ребенка нету, все у меня уже украли”. Тогда подошел проводник и говорит им: “У нее дети азербайджанцы, она русская”. Посмотрели в мой паспорт, а потом говорят: “А зачем едешь с ними в Москву?”. Я говорю: “В кассе билетов не было, а мне надо в Москву”. Он долго смотрел на меня, а потом швырнул мне в лицо 50 рублей, я даже не шевельнулась. Я не знаю, чем бы это все кончилось, если бы не начальник поезда, он их умолял, просил: “Не убивайте их, у меня самого восемь душ детей, меня с работы снимут”. Один подошел к одной армянке и толкнул ее к его ногам: “Целуй его ноги, если вы не он, мы бы вас всех убили, сожгли вы, разрубили на куски”.

Света, сейчас я пишу об этом и вся трясусь, а представь – какой страх был на наших глазах тогда, крики, рев детей, плачь матерей, стоны избитых.

Мы поехали дальше, наш вагон закрыли со всех сторон. Через сугки пришел проводник, открыл двери. Я подошла к нему. Говорю ему: “Вызывайте “скорые”, людям плохо”. Моя Наиля горит, рвет, у людей переломы, почти у всех температура, двое без сознания. Подъезжаем к Ростову, действительно стоят “скорые”. Врачи ехали с нами, на каждой большой остановке врачи менялись, и так – до Москвы. Моя Наиля очень похудела, изменилась, бледная, за трое суток мои ноги еле двигались. Нас в Москве встретили врачи “скорой”. Собралось много людей. Иностранцы со своими фотоаппаратами. Тех, кто был ранен, повезли в больницу, а остальных – в армянское постпредство, трехэтажное большое здание. А здесь все бакинские армяне, нет места, где можно было бы сесть. На всех стенах надписи: “Ищу мать, сестру, отца”. Мать ищет сына, дочь, вообще, кто кого потерял. Я пошла регистрироваться, там мне стало плохо. Ко мне подошли представители, спрашивают: “Что с вами случилось в Баку?”. Я отвечаю, что не знаю где дочь, мать сожгли, бабушку потеряла. Они написали данные Ренины и бабушки. Буквально через час подходит одна женщина и говорит мне: “Ваша дочь Рена?” – и описали мне ее, а когда назвали бабушку Соню, я вскрикнула: “Да это они”. “Ну тогда они в Ереване”, – сказала женщина. Я уже хотела звонить к Лили в Ереван, как Наиле стало плохо. Подошли врачи, сделали уколы. И ночью нас, тех, кто были с детьми, поместили в гостинице. Через четыре дня послали сюда – в г. Кашира, где сейчас и живем, это полтора часа езды от Москвы.

Итак, позвонила к Лиле в Ереван и плачу. “Не плачь, я тебя обрадую, – говорит она, – Рена была с Соней у нас, они уехали в Ставрополь к каким-то родственникам”. Оказывается, бабушку и мою Рену спасла ее соседка, позвонила к Эсмре, и та приехала на машине, забрала их и повезла на Советскую, к своей подруге Соне, которая спрягала их в погребе, но там их нашел “народный фронт”. Эсмра стала кричать, рвать на себе волосы, умолять, чтобы их не тронули, дала им 700 руб. Тогда их на ее машине повезли на паром.

В этот день (17 января) шел снег. На палубе мест нигде не было. Нашла она капитана и стала просить для них каюту, он ей в ответ: “Мест нет, пусть армяне спасибо скажут, что их спасают”. Тогда она сняла свой перстень и дала ему. Им дали каюту, и наши потом пустили к себе очень много людей. Все расселись на полу, лишь бы было тепло. Так Рена с бабушкой через Красноводск попали в Ереван. Здесь в Ереване их зарегистрировали и Рене предложили поменять паспорт, дали ей общежитие и работу. Потом Рена позвонила тете Лиле, приехал Альберт и забрал их к себе, а оттуда – в Ставрополь. Через 10 дней я от Лили узнала номер телефона, дозвонилась, и Рена приехала ко мне. Если бы ты знала, какая была встреча. По дороге Рене было плохо, через три дня ее положили в больницу с воспалением легких, а потом в неврологический диспансер. У меня два с половиной месяца двое детей лежали одновременно в больнице, Наилю я чуть не потеряла. Удар дубинкой по голове Наили на вокзале так просто не прошел. Позже Рена мне рассказала подробно, как ворвались к ним, ее толкнули, ударили и взяли все

золото, она берет паспорт и показывает им: “Смотрите, я азербайджанка”. А они ей в лицо: “Спасибо скажи, что мы тебя оставляем в живых, ты прячешь двоих армян”. Ее так толкнули, что она ударилась спиной об диван. Мать ударили по голове. Взяли ее и говорят Рене: “Через полчаса пойдешь вниз и возьмешь сожженный труп”. Бабушку сбросили со стула и стали бить ногами, а одна женщина крикнула: “Не убивайте ее, она сама сдохнет”. Света, ведь она была слепая, ничего не видела. Рена стала кричать, соседка услышала и привезла. Спускаясь с Реной по лестнице, она увидела, что стоит мать в одном халате, а вокруг женщины с бутылками бензина. Мать стала стучать к соседям, вышли мужчины с ружьями, и началась драка, полоспела милиция. В этой суматохе отняли у них мать, спрятали на балконе до трех часов ночи. Азербайджанцы не уходили, ходили вокруг дома, искали ее, а в это время она лежала на цементном полу на открытом балконе, только к трем часам ночи на милицейской машине соседи увезли ее в аэропорт, взяли билет на Апхабад, а оттуда – в Мары. Вот, представь Света, что мы пережили.

Рена, побывав у меня, не захотела остаться в России, уехала, очень скучает и пишет нам письма. О замужестве и не думает. Из наших соседей лучше всех устроилась Люся, овменялась с Тбилиси, мать ее через две недели умерла в Вологде. Ира с Ваней продали квартиру и уехали в Белград. Тетю Розу и тетю Лизу постигло горе, их избили, но оставили в живых, а все вещи растащили. Тетя Люда и Альберт уехали из Баку вовремя – в конце ноября. Не успели они уехать, как ворвались во двор и прямо к ним, но их уже не было. Ну а я вот так, всех проводила, а сама стала беженкой, но ты знаешь, что у меня никого нет. А потом, откуда я знала, что меня, русскую, и детей азербайджанцев тоже будут гнать.

Света, это я тебе еще написала не все пережитое. В следующем письме я тебе напишу про геноцид армян в Баку с 11 по 18 января, когда власть семь дней была в их руках.

Света, всем передай привет, кого я знаю, даже кого не знаю, кто рядом с тобою, потому что мы все беженцы, видевшие много горя. Мы все здесь породнились, друг друга поддерживаем. Что нас ждет впереди? Этого еще никто не знает. Да, Юра мне пишет письма и вам всем передает привет. Света, у меня все адреса наших соседей есть. Недавно была в Ереване у Лили, искала бабушку, но безрезультатно.

А пока всем до свидания. Целую всех.

23.06.1990г.